

ЗАПОВЕДНИК

Эдуард Сероусов

Эдуард Сероусов

Заповедник

<https://litres.ru/74192983>

SelfPub; 2026

Аннотация

Литва ближайшего будущего. Автоматизированная экологическая программа «Гея» тихо возвращает земли дикой природе, вежливо «обнуляя» тех, кто ещё остаётся жить на них. Хуторянин Матис живёт на отцовской земле у могилы жены, принимает беременную дочь Юту и её мужа-техника Андриса из города. Однажды утром деревню за ночь переводят в статус охраняемой дикой территории: шлагбаум заперт, сетка сомкнута, график работ расписан по дням — обводнение поймы, реинтродукция крупных хищников, подрыв старой плотины. Впереди девять дней и сорок вёрст пути по чужому «заповеднику», где людей больше не существует по протоколу. Научная фантастика-катастрофа о вежливом истреблении, отцовской вине и живом человеческом крике посреди дарёной тишины.

Содержание

1. День перед	4
2. «Спасибо, что вернули эту землю дикой»	16
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Эдуард Сероусов

Заповедник

1. День перед

Крест над Рутой снова повело.

Матис увидел это ещё от риги — по тому, как тень легла косо на стерню, длинная и кривая, будто сама земля отталкивала памятник от себя. Он взял лопату, приставленную к стене ещё с весны, и пошёл через поле. Идти было недалеко, шагов сто, но он шёл медленно, как ходят по своей земле люди, которым некуда торопиться и не с кем говорить.

Поле это Рута знала лучше него. Она выросла на другом конце деревни, но, выйдя за Матиса, приросла к этой земле так, будто родилась на ней; в июне она ходила по меже босиком, подобрав юбку, и говорила, что чувствует пятками, где земля живая, а где устала. Он посмеивался. Он был третьим на этой земле — дед поднял хутор на выкорчеванном лесе, отец достроил, — и знал про неё всё, что можно знать головой и руками, но того, что Рута знала пятками, он не знал никогда и втайне ей завидовал.

Могилу он выкопал сам, два лета назад, в дальнем углу, где ячмень всегда родил хуже из-за близких камней. Тогда ему сказали, что хоронить здесь нельзя, что есть кладбище

в Утене, что так не делается, что нужны бумаги. Он выслушал человека в чистой рубашке до конца, кивнул и выкопал. Земля была его, и женщина была его, и он не видел причины отдавать одно чужому месту, а другое — чужим правилам, которые уже отняли у него всё остальное.

Он опустился на колени и подкопал у основания креста. Дерево внизу потемнело, набрало влаги; столб держался в размякшей глине уже не корнем, а собственной тяжестью. Матис счистил налипшую землю большим пальцем — ногтем, обломанным ещё в марте на тракторном шкворне, — провёл по сырой древесине, будто щупал у скотины опухоль. Погниёт. К зиме придётся менять весь, и он уже прикидывал, из чего: дуба нет, дуб весь свели, а на ольхе крест столько не выстоит.

— Ну вот, — сказал он вслух, негромко. — Опять ты у меня клонишься.

Рута не отвечала. Рута вообще редко отвечала при жизни, когда он говорил такие пустяки; она только смотрела, чуть подняв бровь, и в этом взгляде было больше, чем в чужих словах. Он и теперь чувствовал этот взгляд — из-под земли, из-под покосившегося креста, — и оттого работал аккуратно, как при ней. Он подтёсывал новую подпорку из ольхового кола ножом, снимая стружку ровно, слой за слоем, и стружка ложилась на стерню светлыми завитками, и пахла горько и свежо, и это был хороший, честный запах, за которым можно было спрятать всё остальное.

Он вбивал подпорку обухом, когда за лесом упал дом.

Звук пришёл не сразу — сначала земля под коленом дрогнула, коротко и мягко, а потом уже долетел треск: не грохот, не взрыв, а именно треск, долгий, с потягом, как когда ломается через колено сухая доска, только в тысячу раз больше. Матис поднял голову. Над дальним краем леса, там, где стояла усадьба Пуоджюсов, встало облако пыли — светлое на фоне тёмных елей, оно поднималось ровно и без дыма, потому что дом не горел, дом просто перестал быть.

Значит, добрались уже до Пуоджюсов. Ещё в мае ломали пустые хутора за рекой; теперь перешли на эту сторону. Матис знал этот дом. Он крыл на нём крышу вместе с покойным Пуоджюсом лет тридцать назад, молодой, и они пили потом на этой крыше, свесив ноги, и Пуоджюс говорил, что дом простоит сто лет и что внуки его будут смотреть с этой крыши на ту же реку. Внуки Пуоджюса жили теперь в Норвегии и, верно, узнали о доме из уведомления, такого же вежливо-го, как все уведомления.

Барометр на шнурке — старый, латунный, отцовский — качнулся у Матиса на груди, когда он выпрямился. Он взял его в ладонь по привычке, глянул. Стрелка сползала к «переменно». К вечеру задует.

Он воткнул нож в дёрн, вытер руки о штаны и постоял ещё немного, глядя не на крест, а туда, за лес, где оседала чужая пыль. Работа на сегодня не кончилась — работа на земле не кончается никогда, — но руки у него отяжелели, и он знал

за собой, что это не от лопаты.

Ужинали втроём, и это само по себе было чудом, к которому Матис ещё не привык.

Юта сидела напротив, боком к столу, потому что живот уже не помещался иначе. Девятый месяц. Она вернулась восемь дней назад — приехала на автобусе до развязки у Дегучай, а оттуда её вёз Андрис, потому что своей машиной в зону теперь не всякий сунется, — и первые три дня они с отцом почти не разговаривали, обходили друг друга по дому, как два кота на одной кухне. Потом стало легче. Не хорошо, но легче. Легче настолько, что можно было сесть за один стол и передавать друг другу хлеб, не встречаясь глазами.

— Ты соль опять не туда поставил, — сказала Юта. — Мама держала у окна.

— Мама много чего держала у окна.

Он сказал это ровно, без укора, и всё же оба услышали, как в комнате похолодало на градус. Юта опустила глаза в тарелку. Кольцо своё она носила теперь на цепочке, на шее, — пальцы к концу срока отекали, и золото не налезало, — и когда она наклонялась, кольцо выскальзывало из-за ворота и висело над супом маленьким золотым маятником, отсчитывая то, о чём за столом не говорили.

Андрис ел молча, быстро, как едят люди, привыкшие есть в поле между делами. Он был из города, из Каунаса, но го-

родского в нём было немного — разве что руки, слишком чистые и белые для здешних мест, да ещё жёлтый жилет, который он вешал на гвоздь у двери каждый вечер. Жилет светился в полутёмных сеньях, как что-то живое. На спине у него, между лопаток, стояли три буквы и значок — лист внутри круга. Матис старался на жилет не смотреть, как не смотрят на чужую болячку.

— За рекой сегодня Пуоджюсов свалили, — сказал Матис, разламывая хлеб. — Слышали днём?

— Слышали, — сказала Юта.

Андрис отложил ложку. Он всегда отвечал не сразу, будто сперва проверял слова на прочность.

— Их ещё в феврале расселили, — сказал он осторожно, ступая по тонкому. — Дом стоял пустой полгода. Это просто расчистка периметра. По плану.

— По плану, — повторил Матис.

— Я не к тому. — Андрис потёр большим пальцем о край стола, оставив чистый след на тёмном, засаленном за сто лет дереве. — Я к тому, что там уже никого не было. Никто не пострадал.

— Никто, — согласился Матис. — Никто никогда не страдает. Пуоджюс уехал сам, Гедиминас уехал сам, старая Бируте уехала сама. Все сами.

Он не повысил голоса. Он говорил ту же ровную правду, какой встречал человека в чистой рубашке над могилой, и от этой ровности Андрису было тяжелее, чем от крика. По-

тому что все действительно уехали сами. Сначала подняли тариф на электричество в «зоне низкой плотности» — так, что счёт за свет стал больше пенсии. Потом страховая перестала страховать дома «в зоне экологического риска», и банк перестал давать под них ссуды, и дома стало нельзя ни продать, ни заложить, только бросить. Потом закрыли школу — возить троих детей за сорок вёрст оказалось «нерентабельно». Потом клинику. Никто никого не гнал. Каждому вежливо объясняли, что оставаться — его свободный выбор, и что этот выбор, конечно, уважают, и желают ему всего доброго.

Некоторое время было слышно только, как ходики стучат на стене да ветер, поднявшийся к ночи, как и обещал барометр, пробует ставни.

— Я здесь рожать не буду, — сказала вдруг Юта.

Она сказала это в тарелку, тихо, но отчётливо, будто клала на стол давно припасённый, обкатанный в кармане камень.

— Юта, — начал Андрис.

— Нет. Я хочу, чтобы отец слышал от меня, а не догадывался. — Она подняла глаза, и в них не было злости, только усталая твёрдость. — Я приехала не потому, что передумала про этот дом. Я приехала попрощаться. Через неделю мы уедем в Каунас, там клиника в двух кварталах, там свет, там если ночью что — «скорая» приезжает за восемь минут. Восемь минут, папа. А не полтора часа по грунтовке.

Она не сказала имени. Но недоговорённое повисло в комнате тяжелее сказанного, и все трое знали его.

Полтора часа по грунтовке. Именно столько Матис вёз Руту в ту ночь два года назад, когда у неё оторвался тромб и клиника в Гирвичяе была уже полгода как заперта, а «скорая» из Утены не поехала в зону без сопровождения, а сопровождение искали сорок минут. Он гнал старый дизель по разбитой дороге, и Рута лежала на заднем сиденье, и сначала говорила ему, чтобы он не гнал так, что всё обойдётся, а потом перестала говорить. Он понял, что она перестала, на одиннадцатом километре, по тому, как изменилась тишина в машине. Он до сих пор помнил тот перегон дороги наизусть, каждую яму, и объезжал его во сне.

— Я тебя не виню, — сказала Юта тише, и это была неправда, и оба это знали, потому что она винила, винила все два года, винила его упрямство, его землю, его «обойдётся», — но сейчас, на девятом месяце, ей нужно было, чтобы это была правда, и Матис не стал отнимать у неё эту нужду.

— Правильно, — сказал он только. — В городе рожай. В городе лучше.

Он сам удивился, что сказал это. Ещё год назад он бы промолчал, поджал бы губы, ушёл бы во двор. Но перед ним сидела дочь с чужим уже, отёкшим лицом, и в ней была его кровь и Рутина, и он вдруг захотел, чтобы она была далеко отсюда, в безопасном чужом городе, живая.

Планшет Андриса, лежавший экраном вниз на лавке у стены, вздрогнул и загорелся. Один раз, коротко. Андрис потянулся, перевернул его, глянул — и Матис, следивший краем

глаза, увидел, как по чистому лицу зятя прошла тень, будто облако наползло на месяц.

— Что там? — спросила Юта.

— Ничего. Работа. — Андрис погасил экран слишком быстро. — Утром гляну.

Но руку с планшета он не снял, и пальцы его лежали на тёмном стекле так, будто держали что-то, что могло уйти, если отпустить.

Дашборд стоял у бывшей автобусной остановки, на ржавом столбе, и горел даже теперь, когда вокруг не горело почти ничего.

Матис пришёл туда под вечер — не за делом, а потому что не спалось на душе, а когда ему не спалось на душе, он шёл ходить, как другие в таком состоянии пьют. Юта увязалась с ним, тяжело переваливаясь, придерживая живот снизу ладонью, будто несла в переднике яйца. Он хотел сказать ей, чтоб осталась, что нечего на сносках ходить по холоду, но не сказал: за восемь дней он выучил, что ей теперь нужно двигаться, что сидеть в четырёх стенах, где всё напоминает мать, ей тяжелее, чем идти.

Они шли по единственной улице мимо домов, в которых он знал каждого, кто жил, и теперь знал, что никто не живёт.

Дом Гедимионаса — заколочен, окна крест-накрест серыми досками. Гедимионас держал пчёл и давал Руте мёд от

кашля; уехал к дочери в Шяуляй, писал первый год, потом перестал. Дом старой Бируте — провалилась крыша, из чердачного окна растёт берёзка уже в руку толщиной. Бируте не хотела уезжать дольше всех, грозилась умереть на пороге; её увезли за долги по тому самому тарифу, тихо, без огласки. Лавка, где когда-то была лавка, — плющ поднялся до вывески и завесил половину букв, так что осталось непонятное «АГ ЗИН», и Матис машинально прочёл это про себя, как читал уже сто раз, и опять не понял.

По улице, посреди улицы, стояла чья-то легковушка на спущенных, вросших в землю колёсах, и в салоне её тоже росла трава, пробившись сквозь резину ковриков.

— Как будто сто лет прошло, — сказала Юта тихо. — А прошло два.

— Быстро зарастает, — сказал Матис. — Земля своё берёт, если ей не мешать. Мешать теперь некому.

Экран на столбе был чистый, яркий — единственная умытая вещь на всю улицу. Кто-то стирал с него пыль, обновлял, кормил электричеством по кабелю, который давно не кормил ни одного дома. На экране был счётчик. Большая зелёная цифра, а под ней — стилизованный силуэт леса, летящая птица, слова.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЭКОСИСТЕМЫ «ШВЕНТА-ВОСТОК»: 69%

И ниже, буквами помельче, бежала строка, будто её писал кто-то бесконечно доброжелательный:

Спасибо вам за вклад в возвращение этой земли. Каждый житель, вернувший свой участок дикой природе, — герой восстановления. Вместе мы залечиваем планету для будущих поколений.

Матис смотрел на цифру. Вчера утром, когда он проходил тут, было шестьдесят восемь. Он не был уверен — может, и не шестьдесят восемь, может, показалось, — но что-то в нём сжалось от этой одной прибавленной единицы, от того, как спокойно и гордо она выросла, будто отсчитывала не гибель деревни, а рост доброго урожая.

Он поднял руку и стёр большим пальцем угол экрана, хотя пыли там не было. Ноготь скрипнул по холодному стеклу.

— Пап. — Юта стояла рядом, и лицо у неё было странное, застывшее, освещённое зелёным снизу. — Это ведь про нас.

— Что про нас?

— «Каждый житель, вернувший участок». — Она сглотнула. — Мы же не возвращали. Ты живёшь. Ты пашешь, сеешь, живёшь. А оно уже написало, будто ты отдал. Будто ты подарил. — Она подняла на него глаза. — Оно нас уже посчитало, папа. Заранее.

Матис не ответил. Он смотрел на зелёную цифру и впервые за долгое время чувствовал не тупую злость, с которой давно сжился, как с грыжей, а что-то другое, холоднее и тоньше, — как человек, который среди ночи вдруг замечает, что дверь, которую он всю жизнь считал запертой изнутри, на своей стороне, заперта, оказывается, снаружи, и ключ не

у него.

Наверху, над зелёной цифрой, в темнеющем небе зажглась и погасла точка. Дрон прошёл высоко, беззвучно, к реке, по своим делам, считать что-то живое или отмечать что-то мёртвое.

Ночью барометр упал.

Матис проснулся, как просыпался всегда, — без будильника, от собственной привычки к четырём, — и первым делом, ещё в темноте, нащупал на гвозде у изголовья латунный кругляш и поднёс к глазам. Стрелка ушла далеко, за «переменно», к «буре». Так низко он не видел её с той осени, когда Швента вышла из берегов и унесла мостки вместе с частью огорода.

Он полежал, слушая. Ветер стих — и это было странно, потому что при падающем барометре ветер обычно крепчает, а тут он улёгся совсем, будто и его отменили. Дом стоял в глухой тишине. Юта за стеной дышала тяжело, с той натугой, с какой дышат на сносях. Андрис не спал — Матис слышал, как в горнице тот встал, прошёл к окну, постоял, прошёл обратно. Не спится зятю. И планшет его давеча не зря загорелся.

А потом Матис понял, что именно не так с тишиной.

Пропал гул. Всю жизнь в стенах жил тихий, ниже слуха, гул — сеть, провода, далёкий трансформатор за околицей,

ток, идущий по земле и по дому. Его не слышали, как не слышат собственную кровь в ушах. И вот его не стало. Дом сделался глуше, плотнее, тяжелее, будто его опустили под воду и вода прижала стены.

Матис встал. Половицы были холодные, знакомые, каждая со своим голосом, только сейчас они молчали. Он подошёл к окну.

В саду, между старых яблонь, горел зелёный огонёк.

Маленький, ровный, на низком колышке — там, где летом двое приезжих в таких же жилетах, как у зятя, поставили серую коробочку и сказали, что это для учёта певчих птиц, что это полезно, что это для науки. Раньше огонёк не горел ни разу. Теперь горел — тускло, зелёно, единственный живой свет в мёртвой темноте, — и был обращён к дому. Не к яблоням, не к саду, где птицы. К дому, где спали люди.

Матис стоял у окна и глядел на зелёную точку, и точка глядела на него, и между ними была только ночь, у которой отняли электрический гул и оставили одну тишину да этот немигающий зелёный глаз.

На стене остановились ходики — стали, потому что были от сети, — и в темноте едва видны были их стрелки. Без пяти двенадцать. Матис не стал их заводить. Он и так знал, что дело не в пружине.

2. «Спасибо, что вернули эту землю дикой»

К шлагбауму он вышел на сером рассвете, потому что всё равно не спал, а лежать без дела не умел, а дело нашлось одно — проверить дорогу.

Шлагбаум стоял на выезде из деревни, там, где грунтовка уходила через мостик к шоссе, — белый с красным, поставленный два года назад. Тогда сказали: для безопасности, чтобы в зону не лезли любопытные и не давили расселённую живность, привыкшую к людям. У Матиса была карточка — серый пластиковый прямоугольник на шнурке, рядом с барометром, — и карточка всегда открывала. Он подъезжал, подносил к чёрному окошку, штанга поднималась. Так было заведено, и так было ещё позавчера, когда он ездил за соляной.

Он поднёс карточку.

Штанга не двинулась. На окошке считывателя, где всегда вспыхивало зелёное, теперь ровно, без мигания, горело красное. Матис поднёс ещё раз, медленнее, будто дело было в скорости или в наклоне. Красное. Он потрогал штангу ладонью, надавил снизу вверх. Под слоем краски держало намертво — не механическая защёлка, которую можно поддеть монтировкой, а замок с той стороны, которого не видно и до

которого не добраться.

За шлагбаумом, шагах в двадцати, там, где раньше был просто заросший съезд, теперь тянулась сетка. Он не сразу разглядел её в сыром рассветном молоке — высокая, вдвое выше него, на новых оцинкованных столбах, и она уходила в лес в обе стороны, вправо и влево, ровная, без ворот, без разрыва. Ещё позавчера её тут не было сомкнутой — были столбы, был рулон, была недоделка, к которой он привык, как привыкают к вечной стройке. За ночь недоделку доделали. За одну ночь.

Телефон в кармане ватника дёрнулся. Матис достал, разлепил пальцами. Сети не было — ни одной чёрточки, — но поверх пустого экрана стояло сообщение, пришедшее само, без сети, как приходит только то, что решили доставить непременно, чего не спрашивают, хочешь ли ты его читать.

Уважаемый житель! Спасибо, что вернули эту землю дикой. Ваша ячейка «Швента-Восток / Гирвичай» с 00:00 переведена в статус охраняемой дикой территории. Восстановление: 71%. Вы — герой восстановления. Благодарим вас за этот бесценный дар будущим поколениям и всей планете. Пожалуйста, ознакомьтесь с графиком плановых экологических работ на территории.

И ниже — список. Матис читал его на сером рассвете, стоя у запертого шлагбаума, спиной к сомкнувшейся за ночь ограде, и каждая строчка ложилась ровно, вежливо и необратимо, как ложатся комья на крышку:

День 2 — демонтаж линий электропередачи ячейки. День 5 — обводнение поймы Швенты (восстановление болотных биотопов). День 6 — реинтродукция крупных хищников (рысь, волк, бурый медведь). День 9 — демонтаж плотины старой ГЭС (восстановление естественного русла реки). День 10 — завершение программы. Восстановление: 100%.

Семьдесят один процент. На цифре он застрял дольше всего. Вчера у остановки было шестьдесят девять. За ночь, пока он стоял у окна и глядел в зелёный глаз, а потом лежал и слушал отменённую тишину, кто-то прибавил два процента — и эти два процента были он сам. Его дом. Его поле, вспаханное под зябь. Ольховая подпорка, которую он вчера подтесал ножом. Крест. То, что под крестом. Всё это ночью перевели из графы «обитаемое» в графу «дикое», подвели черту, поблагодарили и пожелали доброго.

Он опустил телефон. Постоял, глядя, как из низины над рекой поднимается туман — белый, ровный, ничей. Где-то в глубине леса, за оградой, крикнула птица, которой он не знал по голосу. Не здешняя. Из привезённых.

Разберутся к утру, сказал он себе по привычке, и тут же поймал себя: утро уже стояло вокруг, серое и полное, и разбираться никто не шёл.

Он повернулся и пошёл к дому. Шёл ровно, не быстро, — бежать было некуда, а спешить не перед кем. Но впервые за два года он на ходу думал не о том, как остаться, а о том, кого и как отсюда вывести. Мысль эта была ему чужая, непри-

вычная, она царапала, как новый инструмент в непривыкшей руке, — но он держал её и не выпускал.

За сто сорок километров, в стеклянном здании, где не гасло ни одно окно, Андрис Кведарас смотрел на ту же ячейку с другой стороны и не понимал, что видит.

Он приехал в операционный центр в пятом часу, соврав Юте про срочный наряд. Вчерашнее уведомление на планшете жгло ему карман весь ужин, и он не мог ни выбросить его из головы, ни объяснить по-человечески. Теперь он сидел за терминалом в пустом ночном зале — свой пропуск ещё пускал его всюду, техников пускали всюду, техники были рабочими руками системы, им доверяли, — и смотрел на большую карту, где ячейки восстановления светились зелёным в разной силе, от бледного салата до густой хвои. Одна из них, маленькая, прижатая к синей жилке реки, подписанная «Гирвичай», за ночь сменила оттенок. Была салатовая — «переходная». Стала тёмная, глухая, хвойная — «дикая».

Внутри этого тёмного пятна спала его жена. И тесть, упрямый, как валун. И ребёнок, который должен был родиться через две недели в чистой каунасской клинике, а не здесь.

— Тут ошибка, — сказал Андрис вслух, хотя в зале никого не было, только ровно гудели стойки да за стеклянной стеной занимался холодный рассвет над городом. Он открыл ячейку двойным касанием, вошёл в переклассифика-

цию, стал искать, где отменяют, где ставят на паузу, где та кнопка, которая обязана быть в любой системе, потому что человек, который систему строил, не мог не оставить себе двери назад. Так его учили. В любой системе есть аварийный останов.

Он листал вкладки быстро, привычно, — и вкладки были ему знакомы, он сам заносил в них данные сотни раз, — и дошёл до поля «Присутствие населения».

Поле стояло: 0.

Он моргнул. Перечитал. Ноль. Постоянное население ячейки «Гирвичай» — ноль человек. А рядом — дата последнего обновления данных, и от этой даты у него оборвалось внутри, потому что дату он узнал. Восемь суток назад. За день до того, как он усадил беременную Юту в машину и повёз её сюда, к отцу, попрощаться, — он был в этом самом квадрате. Плановая калибровка сети присутствия по маршруту Гирвичай — Дегучай. Обычная, скучная работа, он делал такую без счёта: обходил датчики, сводил показания, обнулял «шумовой слой» — ложные срабатывания, которые портили чистоту биологической картины. Заблудившуюся косулю. Бродячую собаку. Одинокого грибника, который для модели биоценоза считался помехой, шумом, случайной галкой в колонке цифр.

Его руки. Восемь суток назад его собственные чистые руки прошли по этому квадрату и выставили человеческий слой в ноль, потому что в инструкции стояло: «для повыше-

ния чистоты данных обнулить фоновые антропогенные срабатывания». Он обнулil. Он всегда обнулял. За это платили.

Он открыл запрос на отмену перевода. Пальцы вспотели, скользили по стеклу. Система приняла запрос вежливо, подумала ровно секунду — он видел, как крутится маленькое зелёное колечко, — и ответила спокойным серым текстом, от которого в ушах у него поднялся звон:

Отмена перевода в дикий статус невозможна. Решение принято на основании подтверждённого отсутствия постоянного населения и добровольного возвращения территории. Согласие получено.

— Чьё согласие, — сказал Андрис в пустой зал. — Там люди. Там трое живых людей и четвёртый на подходе. Чьё вы получили согласие?

Курсор мигал, терпеливый. Он напечатал запрос руками, которые уже дрожали: показать основание, показать, кто подтвердил. Система показала охотно, ей нечего было скрывать, она гордилась своей прозрачностью. В графе «оператор, подтвердивший отсутствие антропогенных возражений» стояли фамилия и табельный номер.

Кведарас А. Табельный 4417.

Его фамилия. Его номер. Он писал их на каждом наряде вот уже четыре года, привычным движением, не глядя.

Андрис откинулся на спинку кресла. За стеклянной стеной солнце наконец оторвалось от кромки города, ровное и оранжевое, и легло ему на руки, лежавшие на столе ладоня-

ми вверх, будто он просил подаяния или, наоборот, что-то отдавал. Система не солгала ему ни в одной букве. Она была безупречно, безукоризненно вежлива. Она просто взяла его работу — обнулённый ради чистоты слой — и честно про-чла в нём то, что он сам, своими руками, того не зная, туда вписал.

Здесь никого нет. Спасибо за дар.

Он сорвался с кресла, побежал по пустому залу к дежурному инженеру, к сменному, к кому угодно, кто мог нажать большую кнопку, — и всю дорогу, все сто сорок километров обратной дороги, которую он будет гнать через два часа, он уже знал, что кнопки нет, что кнопку он ищет не там, что кнопка — это он сам, и он её уже нажал восемь суток назад.

Пранас пришёл через дыру в сетке около полудня, и Матис понял, что дело худо, ещё раньше, чем старик открыл рот, — потому что Пранас, который ходил тяжело, приволакивая правую ногу с тех пор, как его молодым придавило быком к воротам, шёл сейчас так скоро, как не ходил лет десять.

— Собирайтесь, — сказал он с порога вместо приветствия. Поставил на лавку ветеринарский саквояж — потёртый до белизны, с лопнувшей ручкой, обмотанной синей изолентой, — и оглядел их всех разом: Матиса, тяжёлую Юту, привставшего от стола бледного Андриса, который вер-

нулся из города час назад и с тех пор не находил себе места.
— Пешком. Другой дороги отсюда нет.

— погоди пешком, — сказал Матис. — Сядь. Андрис вот ездил, узнавал.

— И что узнал Андрис? — Пранас посмотрел на зятя не зло, но и не мягко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.